

Глава 22

Больше всего Хань Шаочжоу поразило то, насколько естественно и легко Мо Мин выговорил это «муж».

В одном коротком слове ему почудилось так много всего: и сладость, и нежность, и какое-то странное, щемящее тепло, разлившееся в груди. Он невольно подумал: этот парень с каждым днём всё лучше понимает, как ему угодить.

«Раз он называет меня мужем, что это значит? Намёк на предложение?»

«Смелые же у крохи мысли...»

Хань Шаочжоу тут же бросил пакеты с покупками, подхватил прислонившегося к стене юношу на руки и, ногой захлопнув дверь, понёс его в гостиную, прижимая к дивану.

— Пакеты... забыл... на пороге... — пытался протестовать Мо Мин, но его голос тонул в жадных поцелуях. — Ужин ещё... М-м-м...

Мо Мин окончательно запутался в своих чувствах. Голова кружилась от ласк, но он всё ещё переживал за брошенные в коридоре продукты. Было уже поздно, и он хотел поскорее накормить Ханя.

Однако Хань Шаочжоу его не слышал. Проведя в командировке больше недели, он только и думал, как вернётся к своему очаровательному любовничку. А это тихое «муж» окончательно выбило его из колеи, разожгло в сердце настоящий пожар — болезненный и жаркий.

За три года близости Хань Шаочжоу изучил Мо Мина до последнего дюйма. Он прекрасно знал, как сломить его оборону. Всего через несколько минут юноша в его руках превратился в подтаявшее лакомство — податливый, беззащитный, он мог лишь тихо стонать, пока Хань покрывал его лицо и шею поцелуями.

Телефон зазвонил крайне не вовремя. Хань Шаочжоу уже опустился коленом на диван и лихорадочно расстёгивал ремень, когда по комнате разнеслась навязчивая трель.

Взглянув на экран и увидев имя Чжао Чэна, Хань выругался про себя. Сейчас любое упоминание об этом дружке вызывало лишь раздражение: Чжао Чэн вечно корчил из себя знатока чувств и под предлогом заботы испытывал терпение мужчины на прочность.

«Наверняка ничего хорошего».

Он снова бросил взгляд на любовника. Щеки Мо Мина пылали, в глазах стояла влага, а пряди

волос разметались по лбу. Юноша полулежал на подушках, тяжело дыша и едва приоткрыв затуманенный взор.

Внизу живота у Хань Шаочжоу всё сжалось.

«Давай, поиграй со мной, муж...» — казалось, именно это сейчас было написано на лице Мо Мина.

В ярком свете гостиной Хань смотрел на него так неистово, что тот не выдержал. Он смущённо прикрыл лицо подушкой и прошептал:

— Брат Чжоу, ответь на звонок... Вдруг что-то важное.

Телефон продолжал вибрировать, и Хань Шаочжоу пришлось сдаться.

— Что стряслось? — рявкнул он в трубку.

Чжао Чэн на том конце замолк на секунду, ошарашенный резким тоном и странным, прерывистым дыханием друга.

— Ну и одышка, — усмехнулся он. — Ты что там, в спортзале надрываешься?

— Если дела нет, я вешаю трубку.

— Эй, подожди! Хотел позвать тебя выпить, да и дело есть одно.

— Сегодня не могу, — Хань Шаочжоу прижал телефон плечом к уху, продолжая бороться с пряжкой ремня. — Говори так.

— В воскресенье вечером собираемся компанией, посидим узким кругом. Будешь? — спросил Чжао Чэн.

— Не уверен. Ближе к делу посмотрим. Брат Цинь и остальные будут?

— Если ты придёшь, они точно подтянутся, ради тебя-то. Старина Хань, советую тебе не пропускать это. Вечер обещает быть... особенным.

— Это ещё почему?

— Мы собираемся ради Вэнь Цы, — весело пояснил Чжао Чэн. — Официально — просто ужин

друзей, а на деле — празднуем его возвращение.

Рука Ханя замерла на расстёгнутом ремне.

— Вэнь... Вэнь Цы возвращается на этой неделе?

— Так я и знал, что ты чат не читаешь. Вчера вечером я снова добавил его в группу. Все его приветствовали, вот и решили в воскресенье встретиться.

— Я был занят, — Хань потёр переносицу. — И уведомления в этой группе у меня сто лет как отключены. Почём мне знать, что вы там строчите?

— Ну, я так и думал, иначе бы ты не усидел на месте.

Этой группе в мессенджере было уже несколько лет. Чжао Чэн был в ней самым активным. Вэнь Цы когда-то тоже состоял там, но три года назад вышел.

По правде говоря, Хань Шаочжоу сам «выжил» его оттуда. Узнав, что Вэнь Цы сошёлся с Гао Чэнем, он от ревности начал тайно пакостить: под видом «случайного правдоруба» кидал в чат всякие сплетни про Гао Чэня. На деле это были сущие пустяки, высосанные из пальца, но Хань выискивал их в самых тёмных углах интернета и заваливал ими группу. Он даже присылал отретушированные, специально изуродованные фото Гао Чэня. В те дни в чате все затихали, и лишь пара подлиз ставили удивлённые смайлики.

В итоге Вэнь Цы молча ушёл. Хань Шаочжоу, видимо, осознав, что перегнул палку, тут же попытался добавить его обратно, но через десять секунд тот снова покинул группу. С тех пор Хань там почти не появлялся.

Чат назывался «Чуаньхай», и в нём сидело человек десять — в основном «золотая молодежь» города. Хотя все были знакомы, особой дружбы там не водилось. После ухода Вэнь Цы Хань за три года почти ничего там не писал, скрыв уведомления. У него был другой чат, поменьше, где были только свои — Чжао Чэн, Цинь Ю, Цзян Хэ и ещё пара человек. Админом там был Цзян Хэ, и без его разрешения никого добавить было нельзя, так что Вэнь Цы вернули именно в общий чат «Чуаньхай».

— Значит, в воскресенье ждём тебя. Если ты придёшь, явка будет стопроцентная, — Чжао Чэн уже взял на себя роль организатора. Он не столько хотел выслужиться, сколько планировал после ужина затащить всех в свой бар и развести богатеньких наследников на депозитные карты. Лишний миллион-другой в кассе не помешает.

— Посмотрим. Будет время — загляну.

— Брось, Хань. Ты что, занервничал? Не готов к встрече с Вэнь Цы? — рассмеялся Чжао Чэн. —

Это просто ужин. Честно, старина, ты сейчас в такой форме, что он точно оценит. Тебе нечего стыдиться.

— Ты меня плохо знаешь. Стыдиться? С чего бы мне стыдиться?

— Ну как же... Сам ведь говорил когда-то: Вэнь Цы — небожитель, а ты — простой смертный, и рядом с ним ты всегда...

— Хватит, — оборвал его Хань Шаочжоу. — Чжао Чэн, я прошу тебя: впредь не смей анализировать мои отношения с Вэнь Цы и тем более в них лезть.

Поняв, что друг действительно разозлился, Чжао Чэн сменил тон на более серьёзный.

— Ладно, не кипятись. На самом деле это просто ужин друзей. Но если тебя не будет, это будет выглядеть так, будто ты намеренно его избегаешь...

— Я скажу тебе позже. Ещё только среда.

— Хорошо, жду новостей. — Чжао Чэн понизил голос. — Кстати... ты ведь уже порвал с этим малышом Мо Мином?

Хань Шаочжоу едва не рассмеялся от злости.

— А ты как думаешь?

— А, ну тогда я спокоен.

Мужчина заподозрил, что друг понял его превратно.

— Ты не переживай, — продолжал Чжао Чэн. — У Вэнь Цы был Гао Чэнь, ты спал с Мо Мином. Вы квиты. Считай, оба чисты, так что при встрече не чувствуй себя...

Хань, не дослушав, нажал отбой. Он твёрдо решил, что в будущем будет общаться с этим идиотом только текстовыми сообщениями.

Мо Мин ускользнул на кухню ещё в середине разговора. Он принёс пакеты, которые Хань бросил у двери, аккуратно разложил предметы гигиены и принялся за продукты.

Хань Шаочжоу застегнул ремень и вошёл следом. Юноша стоял у открытого холодильника, сосредоточенно распределяя свежие овощи по полкам. В руках он держал две пачки молока, срок годности которых истекал сегодня. Мо Мин хмурился, раздумывая: дать их Ханю прямо сейчас или всё же выбросить. Он очень не любил переводить продукты.

Мужчина подошёл сзади, обнял его и, положив подбородок на плечо, лукаво прошептал:

— Я ещё не закончил. Куда ты сбежал?

Мо Мин убрал молоко и слегка коснулся щекой лица Ханя.

— Сначала я приготовлю ужин. А после ужина... М-м-м, отпусти меня, Брат Чжоу, нужно ещё овощи вымыть.

— И что значит это «после ужина»? — Хань прижал его к себе крепче. — Что именно? Говори яснее.

Мо Мин вспыхнул. Хань Шаочжоу почти физически ощущал жар, исходящий от его ушей.

— Брат Чжоу, ну не надо так.

— Как — так? — Хань не упускал случая подразнить его. — Кто тут только что называл меня мужем? А теперь стесняешься?

— Ты сам просил меня так называть, — тихо запротестовал Мо Мин.

— Разве я просил называть меня мужем? Я всего лишь хотел услышать «хороший старший брат».

«Это же ещё более приторно, чем «муж».

— Давай, скажи ещё разок, — Хань поцеловал его в горячую мочку уха, переходя на полушёпот. — Скажешь — и я тебя сейчас отпущу. А нет — прямо сейчас утащу в спальню, и про ужин можешь забыть.

В животе у юноши предательски заурчало. Он быстро сдался.

— И что ты хочешь услышать?

Хань Шаочжоу, чувствуя, как внутри всё замирает от предвкушения, торопливо ответил:

— Что угодно! Давай же, чем ласковее скажешь, тем больше я буду слушаться тебя сегодня.

— Тогда... — Мо Мин послушно и очень тихо произнёс: — Хороший муж?

Хань Шаочжоу затаил дыхание. Его руки, сжимавшие талию юноши, напряглись, а голос стал хриплым от сдерживаемого возбуждения и какой-то странной досады:

— Да откуда ты этого набрался? Кто тебя научил так говорить? Ты ещё кому-то так говорил?

— Что? — Мо Мин растерянно обернулся в его объятиях. Увидев тяжёлый, странный взгляд мужчины, он робко спросил: — Брат Чжоу, ты сердишься?

Хань Шаочжоу промолчал, лишь его дыхание стало неровным. Конечно, он не сердился. Он просто чувствовал, как внутри него всё плавится от этого жара.

«Как этот парень может быть таким...»

Мо Мин обхватил Ханя за талию, прижался лицом к его шее и, словно признавая вину, прошептал:

— Прости... Если тебе не нравится, я... я назову по-другому, хорошо? Муж... Хороший брат... Муж...

Он повторял это снова и снова, будто ласковый котёнок, пытающийся задобрить хозяина. Мо Мин и не подозревал, насколько сокрушительно эти слова действуют на его «золотого господина», как настойчиво он испытывает на прочность его едва живое самообладание.

Шаг, ещё шаг...

Мелкий дождь, утихший было к вечеру, ночью разразился настоящей грозой. Ливень яростно барабанил по подоконнику, не умолкая до самого рассвета.

Около четырёх утра Хань Шаочжоу в полузабытьи поднялся с постели. Вернувшись, он нырнул под одеяло и привычно притянул Мо Мина к себе, но тут же почувствовал неладное.

Кожа юноши была пугающе горячей. Хань Шаочжоу коснулся губами его лба и мгновенно протрезвел.

Словно от удара током, он подскочил на кровати и щёлкнул выключателем настольной лампы.

В резком свете Мо Мин выглядел ужасно: он хмурился во сне, лицо его пылало нездоровым румянцем, а волосы прилипли к потному лбу. Он вздрагивал, словно от холода, поджимая плечи.

Снова коснувшись его, Хань Шаочжоу убедился — у парня сильный жар. Он отбросил одеяло и принялся лихорадочно одеваться.

— Мо Мин! — звал он, натягивая вещи. — Проснись! Ты слышишь меня?

Тот приоткрыл глаза на узкую щёлку, но тут же снова их закрыл, едва слышно пробормотав:

— Плохо... Мне так плохо...

Сердце Хань Шаочжоу сжалось от боли при виде этого измученного лица. Он неловко помог Мо Мину одеться, завернул его в своё тяжёлое пальто и на руках понёс к машине.

Город в четыре утра ещё спал. Улицы, умытые ночным ливнем, казались пустыми и холодными в свете неоновых ламп.

Хань Шаочжоу гнал к больнице, а в приемном покое ворвался в двери, срываясь на крик:

— Врача! Помогите! Скорее!

Дежурная медсестра, увидев его безумный взгляд, решила, что парень на его руках при смерти. Она и коллеги тут же бросились на помощь.

К счастью, это была всего лишь лихорадка.

Хань Шаочжоу так и остался в тапочках и тонкой шёлковой пижаме цвета шампанского. В этот сырой осенний рассвет она его почти не грела, но он, казалось, не замечал холода. Он сидел у края больничной койки, подавленный и совершенно опустошенный.

Медсестра, ставившая Мо Мину капельницу, заметила его состояние и попыталась успокоить:

— Всё будет хорошо, господин. Как только жар спадёт, ему станет легче. Не волнуйтесь так.

Она ещё не видела, чтобы обычная простуда так пугала взрослого мужчину.

— Угу, — отозвался Хань, продолжая неподвижно смотреть на больного.

На самом деле его сковал страх. Он сам не понимал, почему так перепугался. Рубашка пропиталась потом, а ноги на обратном пути в больницу предательски дрожали.

Впервые он почувствовал себя последним мерзавцем. Мо Мин вчера несколько раз плакал, а он вел себя как озабоченный идиот.

Малыш ни в чём ему не отказывал, даже не злился, а Хань просто воспользовался его любовью и довел до больничной койки. Последний подлец.

Когда первая бутылка капельницы опустела, жар начал спадать. Около восьми утра Мо Мин пришёл в себя. Вид у него был крайне слабый. Глядя на Ханя, он хрипло спросил:

— Брат Чжоу, ты так легко одет... Не замёрз?

Хань Шаочжоу наклонился и поцеловал его в горячую щёку. В сердце словно вонзили десяток ножей и полили раны лимонным соком.

— Нет, муж не замёрз.

Лицо Мо Мина стало ещё краснее. Он смущённо прошептал:

— Брат Чжоу, мы же в больнице...

Хань усмехнулся и нежно ущипнул его за щёку.

— Проголодался? Что тебе купить?

Вчера они так и не поужинали, он продержал парня в постели полвека. Наверняка тот умирает от голода.

— Голова ещё кружится. Хочу ещё поспать, — тихо сказал Мо Мин. — А тебе не нужно на работу?

— Сегодня я никуда не пойду. Буду здесь, с тобой.

— Со мной всё в порядке. Посплю немного и сам доберусь до дома, — он слабо улыбнулся.

Обычный жар — можно было просто выпить таблеток дома, но Хань Шаочжоу смотрел на него

так трагично, будто Мо Мину оставалось жить считанные минуты.

Мужчина встал, задёрнул шторы и забрался на кровать рядом с ним. Узкая койка была явно не рассчитана на двоих взрослых, но он осторожно притянул юношу к себе.

— Я тоже немного вздремну.

Хань прижался лицом к волосам Мо Мина, и его сердце, колотившееся все эти часы, наконец начало успокаиваться.

Мо Мин не унимался: он чуть приподнялся, пока их лица на подушке не оказались на одном уровне. Глядя в эти тёмные, сияющие глаза, в которых отражалось его собственное лицо, Хань Шаочжоу почувствовал, как его взгляд задрожал.

— Что... что такое?

Мо Мин нежно улыбнулся.

— Ты такой добрый ко мне, Брат Чжоу.

Хань фыркнул:

— Это после того, как я довёл тебя до такого состояния?

— Всё равно добрый... Я хочу быть с тобой... — Мо Мин поднял руку и кончиками пальцев провёл по его брови, спускаясь к губам. — Хочу остаться подольше. Пусть даже на один лишний день.

Хань Шаочжоу рассмеялся:

— Это уж как будешь себя вести. Если будешь плохо — может на этой же неделе тебя и выброшу.

Ресницы юноши дрогнули. Он пристально посмотрел в лицо мужчины, и в глубине его глаз мелькнула тень разочарования. Хань тут же пожалел о своих словах. Парень болен, а он вместо поддержки несёт всякую чушь.

— Всё равно... — Мо Мин уткнулся лицом в шею Ханя и глухо пробормотал: — Всё равно я сам не уйду...

Хань Шаочжоу едва сдержал улыбку.

«Надо же, прилип ко мне».

Мо Мин больше ничего не говорил. Лихорадка ещё не отступила, голова была тяжёлой, и он быстро заснул.

Днём ему поставили ещё одну капельницу, и лишь к вечеру температура окончательно нормализовалась. Но Мо Мин всё ещё выглядел вялым, его веки отяжелели.

По возвращении в квартиру он принял горячую ванну и, завернувшись в мягкий плед, устроился на диване перед телевизором. Хань Шаочжоу принёс ему йогурт и лёгкие закуски.

Продукты, купленные накануне, так и лежали на кухонном столе. Хань Шаочжоу засучил рукава и надел фартук. В разгар готовки зазвонил телефон. Вытерев руки, он достал мобильный.

Звонил дедушка.

— Дедушка, — ответил Хань Шаочжоу.

— Мне тут водитель сказал, что ты в Чуаньхае чаще всего живёшь в том жилом комплексе, верно? — раздался густой, неторопливый голос Хань Чанцзуна.

— Да, здесь удобнее, я привык.

Хань поставил телефон на громкую связь и продолжил разбивать яйца в миску.

— И сейчас ты там?

— Угу, как раз ужин готовлю, — ответил Хань. — Что-то случилось, дедушка? Я немного занят.

— Вот и отлично. Я как раз возвращаюсь из города *, думал сразу домой ехать, но водитель говорит — мы будем проезжать мимо твоего дома. Решил заскочить на минутку. Раз ты готовишь, заодно и попробую твою стряпню. Мне ещё ни разу не доводилось её дегустировать.

— А? — рука Ханя с венчиком замерла.

— Что ещё за «а»? Я буду через пять минут. В какой ты квартире?

— Дедушка, погоди... Это как-то слишком внезапно. Мог бы хоть заранее предупредить.

— Ты посмотри, какая важная птица стал! Мне ещё и предупреждать нужно, чтобы на внука посмотреть? Кто тут дед — ты или я?!

— ...

— Всё, буду через пять минут.

<http://bllate.org/book/15854/1436803>